

Рассекречено: Разведка по Филби

В серии "Жизнь замечательных людей" издательства "Молодая гвардия" выходит книга "Ким Филби", написанная вашим покорным слугою. Она, как мне кажется, подоспела во время: 1 января 2012 года будет отмечаться 100-летие великого советского разведчика.

Специально для этой книги Служба внешней разведки России рассекретила ряд материалов. Так что, прощай гриф секретности. Это донесения Филби в Москву. Записи Кима о работе в английской разведке, его донесения в Москву, конфиденциальные сообщения, тревожное письмо резиденту советской разведки в Бейруте, опись секретных документов, переданных в Центр лишь за короткий период... Некоторые из них впервые переведены с английского на русский.

Должен сказать, что англичанин Ким Филби писал на таком интеллигентно-отточенном английском, что и переводить его было приятно.

Мы открываем перечень из серии "Рассекречено" этой главой о жизни Филби в разведке. Она написана самим Кимом Филби после бегства из Бейрута в Москву и закончена им в сентябре 1964-го. Вряд ли эти впервые публикуемые записки предназначались для книги или журнальной статьи. Они частично напоминают его будущую книгу "Тайная война", но в данном виде, это, скорее, откровенные и по горячим следам изложенные впечатления Филби о его деятельности в Сикрет Интеллидженс Сервис.

Привожу записки без всяких поправок со сделанными Кимом Филби выделениями.

Рассекречено

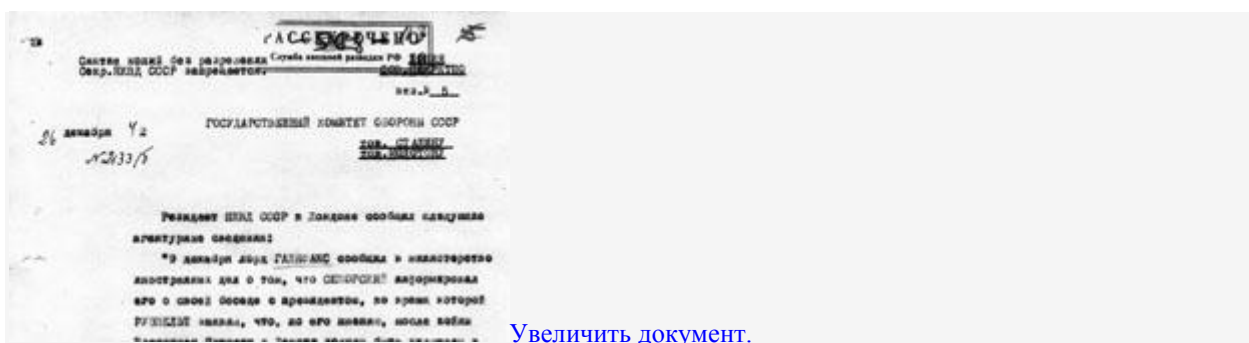
[Увеличить документ.](#)

Служба внешней разведки РФ. Совершенно секретно. Экз. №2. Перевод с английского

Летом 1940 года, вскоре после падения Франции, разведка из романтических грез стала сферой моей деятельности. Романтика работы в разведке была создана судорожным чтением с детства детективных рассказов. Некоторые писатели пытались давать изложение фактов из своей собственной деятельности. Одним из таковых был Джордж ХИЛЛ, который написал книгу "Go spy the Land", где с разоружающей откровенностью описана его подпольная деятельность в России. За это он получил довольно забавное прозвище - "Евнух Стамбула", которое дал ему Деннис УИТЛИ. Впоследствии ХИЛЛ стал моим коллегой и другом. Другие писатели, как, например, Бучан (BUCHAN) и Валентайн Уильямс печатали чистейшую фантазию. Но принципы обеих школ писателей были основаны на том, что шпионы, работающие на Англию,- прекрасные парни, окончившие частные школы, а, возможно, и военную школу в Сандхерсте, в то время как наши

противники - негодяи и мерзавцы. Так, Бучан заставил страдать очаровательную баронессу фон Линем, сравнив ее с отвратительным Бленкироном - американцем, страдающим расстройством желудка. И только совсем недавно Ян Флеминг набрался смелости отказаться от этого правила и создал своего героя - Джеймса Бонда, которого изобразил еще более отталкивающим, чем чудовище, которое должно было быть уничтожено. Говорят, что таким трюком Ян Флеминг, в отличие от других писателей, заработал кучу денег.

Мои первые несколько месяцев работы в СИС не принесли мне ничего нового. Мне сказали, что я прикреплен к секции "Д" (подрывная работа), и конверт с десятью необлагаемыми налогом пятифунтовыми банкнотами ежемесячно попадал ко мне. Но я почти не понимал, в чем заключались мои обязанности, был почти уверен, что большинство моих коллег были в таком же положении. В отделе ходили таинственные разговоры о "железных воротах" на Дунае, как будто это были запертые ворота на канале Риджент и о диверсии на бакинских нефтепромыслах с целью лишить Германию нефти и заставить ее сдаться. Так как я видел бакинские нефтепромыслы, то я мог лишь отдать должное воображаемым героическим подвигам тех, кто вынашивал планы "их взрыва".

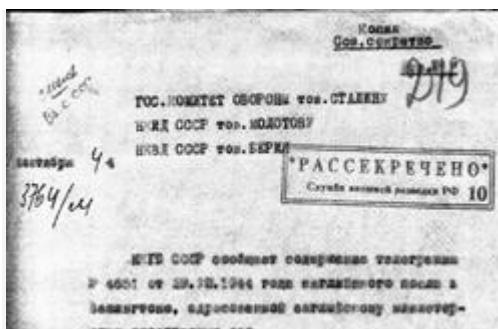

Наслушавшись таких разговоров, я перебрался в только что образованную учебную секцию (трудно представить, но это факт, что сотрудники английской разведки и их агенты не проходили никакой подготовки до 2 мировой войны) и вскоре оказался прикрепленным к странной экспериментальной учебной станции около Хертфорда.

На этой станции собралась горсточка инструкторов, одним из которых был Джордж Хилл и, возможно, десятка три студентов: бельгийцев, норвежцев, испанцев и одного австрийского неомарксиста, который раз в неделю отказывался от выполнения своих обязанностей в знак протеста против милитаристского характера лагеря. Здесь, так же, как и в Лондоне, мои обязанности были очень неясными, неясными до того, что один испанец после долгого раздумья решил, что я являюсь политическим комиссаром школы. Это был деморализующий период, и только позднее я узнал, что наш регресс или застой был вызван капитальной реорганизацией службы, к которой я принадлежал, СИС - традиционная шпионская служба - освобождалась от своей смущающей подрывной секции, которая с тех пор стала называться Секцией специальных операций 2 (SO-2) (саботаж) в противовес Секции специальных операций 1 (SO-1) (черная пропаганда). Отделение SO-1 и SO-2 позднее закончилось тем, что первая превратилась в исполком политической войны (P.W.E), а вторая - в исполком специальных операций (S.O.E.).

Нет необходимости говорить, что этому разделению предшествовала безжалостная чистка отдела "Д", которой подверглись сам начальник отдела, вездесущий королевский инженер, и (случайно) Гай Берджесс. Люди, которые подверглись чистке, вскоре нашли название новой организации, из которой их выжили - "Отбросы и помой". Чистка меня не затронула из-за моей незначительности и безо всяких формальных уведомлений я был

переведен в СОЕ. Мой конверт с 50 необлагаемыми налогом фунтами продолжал поступать ко мне. Единственная неприятность, которая случилась со мной в этот период, была потеря револьвера, который был выдан мне по какой-то необъяснимой причине. Его украли из кармана на дверце служебного автомобиля, которым я пользовался в личных целях в Сохо. С чувством вины (я думал, что правила в этих делах очень строгие) я доложил о потере офицеру, который выдавал оружия. Он спросил, расписывался ли я за пистолет, и я, боясь, что мой ответ еще больше усугубит мою вину, ответил, что нет. Его ответ был краток: "О.К., забудь об этом, понял?", и он занялся более важным делом.

[Увеличить документ.](#)

Новый начальник SO-2 оказался предприимчивым человеком в "мебельном деле" и поэтому не удивительно, что вскоре мы переехали в новые здания (меньше 100 миль от жилища Шерлока Холмса) и начали заполнять бумагами огромное количество столов и шкафов. С новым начальником пришел поток банкиров и владельцев нефтяных акций, горящих желанием показать солдатам, как надо служить в интересах бизнеса. Нет нужды говорить, что все они, один за другим откатились в сторону. Установившийся взгляд на то, что все армейские офицеры, за незначительными исключениями, недостаточно умны, нуждается в коренном пересмотре. Когда дело доходит до интриг или личного продвижения по службе, они могут дать очко вперед городским умам.

Мои надежды на то, что после реорганизации я останусь в Лондоне, не оправдались. Я все еще был инструктором и из-за этого мне пришлось переехать на еще более отдаленную станцию в Болью (Beaulieu). Оказалось, что положение в этой школе в корне отличалось от положения в Хертфорде. Начальник нашего лагеря был молодым способным офицером, и его помощники, с единственным ужасным исключением в лице офицера безопасности, были молодыми и энтузиастами своего дела. Их единственным недостатком было отсутствие личного опыта в деятельности, которой должны были заниматься их студенты.

Частично этот недостаток восполнялся усердной работой и большой мыслительной работой, и вскоре школа и ее выпускники внесли серьезный вклад в создание и укрепление сил, которые впоследствии стали известны как силы европейского сопротивления, Это, однако, было уже после меня.

В Болью, впервые с момента поступления на службу, мне был выделен определенный участок работы. Я был назначен инструктором по вопросам политической диверсии и подпольной пропаганды - вопросам, в которых я был более компетентен, чем думало мое начальство. Но вскоре стало очевидным, что хотя я обладал достаточными знаниями по этим предметам, я был безнадежно неспособен как инструктор. Одно дело написать все на бумаге, другое - передать это "зеленым" студентам. К тому же были и более серьезные недостатки в моем положении. Я был далеко от Лондона и визиты туда, необходимые по службе, были редкими. Более того, обучение представляло слишком узкую сферу для активной работы, и мне хотелось попасть в Центр.

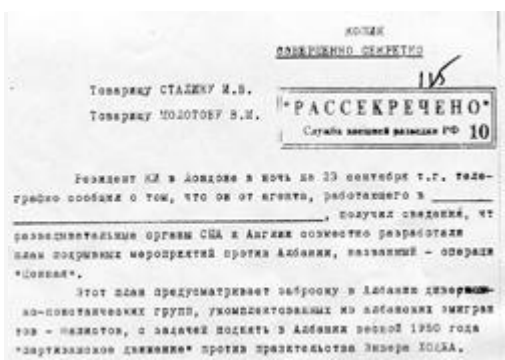

[Увеличить документ.](#)

В начале 1941 года я стал подыскивать себе место или в штабе СОЕ или же в СИС. Я отдал предпочтение последнему, так как СИС казалась более постоянной и надежной организацией, где можно было приложить свои силы. Как сказала одна ни в чем не сомневающаяся дама, работавшая и на СИС, и на СОЕ: "Если уж работать в организации, то пусть это будет проверенная организация". СИС, хотя она и существовала меньше 30 лет, выглядела неказистой по сравнению с процветающей СОЕ.

Мои шупальцы вскоре натолкнулись на что-то существенное. Контрразведывательная секция СИС, секция 5, получила значительно возросший бюджет. Эта секция всегда была "козлом отпущения" СИС, и необходимость ее расширения была давно признана. Решающий толчок был дан МИ-5, которая являлась основным потребителем разведывательных материалов секции 5. МИ-5 все больше и больше проявляла недовольство той скудной информацией, которую она получала, и стала угрожать взять на себя функции разведки за границей. Некоторые сотрудники СИС поняли опасность разведения бюрократии в случае, если бы МИ-5 взяла на себя функции разведки за границей, и результатом этого явилось расширение секции 5.

В то время Испания была одним из основных центров германского шпионажа против Англии и США. Новая структура секции 5 включала в себя подсекцию из шести сотрудников для работы против противника на Пиренейском полуострове.

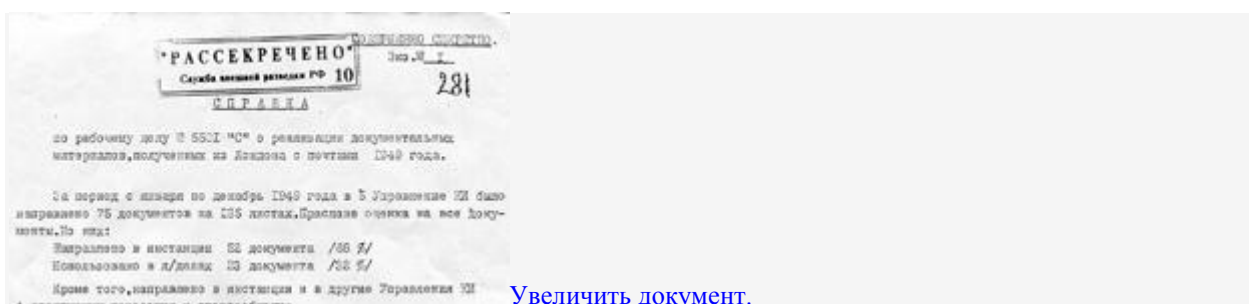
[Увеличить документ.](#)

В то время я знал в этой области не меньше других, так как работал корреспондентом газеты "The Times" во франкистской Испании и поэтому без особых трудностей сумел занять пост начальника новой подсекции. Через несколько недель я понял, что попал на "большую дорогу". Но еще не осуществилось мое желание работать в Лондоне, т.к. секция 5 базировалась в то время на окраинах St. Alban. Но это было намного ближе к Лондону, чем от Болью. По работе требовалась тесная связь с МИ-5 и, по крайней мере, раз в неделю нужно было осуществлять личный контакт с сотрудниками Центра. Необходимо было также поддерживать связь со Службой радиоконтрразведки, которая занималась перехватом шифровок противника и с правительственной школой кодов и шифров, которая занималась их расшифровкой. Архивы СИС (плодотворное поле для исследований) были совсем рядом. И, наконец, не нужно было рыскать, чтобы получить

информацию о моей собственной службе и ее деятельности. Через мой стол проходило столько материала, сколько я только мог обработать. Но как бы ни рано я начинал работать, всегда оставалась толстая папка с документами, которые я брал домой для просмотра в утренние часы. Конечно, это было строго запрещено, но все, включая и моих боссов, делали это.

Просто страшно подумать, как ужасно было поставлено дело с точки зрения безопасности. Но с этих пор я почувствовал под ногами твердую почву и понял, что я начинаю делать успехи. Немного более, чем через год после моего поступления в секцию 5 я почувствовал себя достаточно сильным, чтобы пойти против начальника секции. Эта борьба окончилась переводом нашего подразделения в Лондон, где нас разместили по соседству с МИ-5 и в нескольких минутах ходьбы от штаб-квартиры СИС.

Характерной чертой секции 5 в то время было полнейшее отсутствие обучения, за исключением коротких инструктажей за обеденным столом. Если бы не мой секретарь, который проработал в службе несколько лет, я бы попал в серьезную беду из-за своего чрезмерного энтузиазма. Так, например, я провел несколько счастливых месяцев, давая указания сотрудникам Паспортного Контроля отказывать некоторым лицам в выдаче виз (не мое дело) и сотрудникам службы безопасности Министерства обороны на британских территориях за границей производить аресты (тоже не мое дело). Однажды около 12 человек ссадили с судна "Кабо де Хорпос" в Тринидаде и лишь через несколько лет я узнал, что мои действия основывались на ошибке шифровальщиков, и что только один из 12 оказался виновным. И что самое удивительное, МИД Англии всегда мужественно защищало нас, твердо отвергая представления из нейтральных государств о совершении незаконного ареста.

Успех нашей работы против немецкой разведки обеспечивался службой перехвата и шифровальной службой. За небольшими исключениями, разведывательная работа наших оперативных подразделений стала придатком технических служб. Развитие криптографических служб началось с появления разведывательной службы Оливера Стрэчи (I.S.O.S.), которая дала нам значительную информацию о работе радиослужб Абвера. Все остальное мы получили от разведывательной службы Нокса (Кнох) (I.S.K.). В обоих случаях службы названы именами искусных шифровальщиков.

Задолго до окончания войны мы получали огромное количество информации так же быстро, как и сами немцы.

Изучив массу материалов о деятельности немецкой разведки в Испании, я мог сделать единственный вклад в работу нашей контрразведки. Я предложил, чтобы МИД Англии проинструктировало или, скорее всего, попросило сэра Сэмюэля Хора (Samuel Hoare), посла Англии в Мадриде, выразить протест генералу Франко в связи с нарушением испанского нейтралитета сотрудниками и агентами немецкой разведки. В протест должно быть включено заявление о структуре и деятельности немецкой агентурной сети с

указанием имен, адресов и т.д. и требование о наказании или изгнании из страны виновных, Мы не были уверены, что Франко выполнит все условия, но абсолютно не сомневались, что он информирует об этом Генерального Директора службы безопасности, а тот, в свою очередь, сообщит об этом немцам. Все остальное должно было произойти своим чередом. Немцы должны были понять, что несмотря на то, что работа разведывательной службы должна быть конспиративной, конспирация в их работе была иллюзией.

Единственной трудностью было убедить моих шефов в том, что это хорошая идея. Обычно материал, полученный из криптографических источников, считался очень деликатным и очень редко использовался для проведения каких-либо акций. "Так зачем же наживать неприятности" - частенько упрекала нас МИ-5. К счастью, МИД Англии, руководствуясь своими собственными соображениями, не хотело избегать столкновения с генералом, а мое предложение дало Сэму Хору прекрасную возможность "разыграть одну из сцен", на которых держалось его тщеславие.

Ким Филби на даче.

Меморандум отослали, тщательно законспирировав источники получения информации, Сэм Хор, убежденный, что вся информация, упоминавшаяся в меморандуме, получена его посольством, нарядил сотрудников посольства в одинаковую форму и в их сопровождении вручил протест с завидной твердостью (он мне почти нравился в течение недели). Результаты были точно такими, какими они и должны были быть по нашему предположению. Строительство одного из немецких объектов, предназначавшегося для ночного фотографирования кораблей, проходящих через Гибралтарский пролив, так и не было закончено. Остатки абверовской агентурной сети в Испании походили на голого человека, бегающего в поисках полотенца.

Наш окончательный триумф пришел с перехвата телеграммы из Мадрида в Берлин, в которой говорилось, что англичанам удалось раскрыть немецкую агентурную сеть "наверняка агентурным путем". Единственным недостатком в нашей операции было наше уважение к немецкой разведывательной службе.

Успех этой операции, подобная второй была проведена в Лиссабоне, намного упрочил мое положение в СИС и сделал даже больше, т.к. о ней стало известно в других кругах, Сэм

Хор был в восторге, МИД Англии было довольно. Сотрудники службы радиоперехвата и шифровальщики радовались, что наконец-то их материал был так хорошо использован. МИ-5 была довольна более либеральным подходом к использованию в подходящей форме материалов криптографической службы. Мои шефы получили много похвал, а я получил повышение.

В сферу моей деятельности была добавлена территория Северной Африки, и я стал 2-м заместителем начальника отдела. Мое положение еще больше упрочилось.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление, чтобы затем перейти к изложению дальнейших событий. Я проработал в секции 5 лишь несколько недель, когда была успешно осуществлена деликатная операция Рузвельта против японцев. Ее первым зримым результатом было прибытие в Сант-Олбани двух оперативных работников из ФБР, которые подобно паре пулеметов на все лады расхваливали успехи их организации.

Мой босс, начальник секции 5 уже "цапался" с ФБР. Характерной чертой его дьявольской энергии и ошеломляющей самоуверенности было то, что он, не колеблясь, мог скрестить мечи с Дж. Эдгаром Гувером, искусным политиком. Он относился к представителям ФБР с вежливой осторожностью. Двое уехали, оставив после себя дух Америки. Они очернили Госдепартамент, Военный и Военно-морской департаменты. По их рассуждениям выходило, что если бы не Гувер, США давно бы были колонией японцев. Они даже ни словом не обмолвились о заслугах генерала Донована и стратегической разведывательной службе США (O.S.S.). Однако вся информация поступала как раз из O.S.S.

"Дикий Билл" (Wild Bill) собрал вокруг себя странный контингент йельских профессоров, юристов и страховых агентов. Они прибыли в Сент-Олбани. Мой босс видел прямую выгоду в сотрудничестве с новой организацией, которую можно было использовать в своих интересах.

С некоторым удивлением я узнал, что он организовал все так, что едва оперившееся контрразведывательное подразделение O.S.S. пользовалось привилегией доступа к материалам, полученным из криптографических источников. Таким образом, они были поставлены на один уровень с нашей организацией, МИ-5, правительственной Школой кодов и шифров, службой радиоконтрразведки и другими.

Ким с женой Руфиной на отдыхе в Болгарии.

Представление об их квалификации можно получить, проанализировав поведение их первых представителей в Лиссабоне. Некий Рэй Оливьера зашел к нашему человеку и представился сотрудником O.S.S. Когда его попросили предъявить документы, он открыл папку - она была полна долларов. Его преемник Ди Люсия был еще хуже.

Когда сотрудники O.S.S. окончательно установили с нами контакт (их поведение было в то время раздражающе унижительным), они запросили наше мнение о качествах, которыми должен обладать их представитель в Лиссабоне. Мы сообщили об этом нашему человеку в Португалии. Его ответ был точен: "Пусть пошлют (ради Христа) человека по имени Смит". Нет надобности говорить, что даже у животных бывают неприятности. И сейчас O.S.S. /ЦРУ- не бумажный тигр (хотя они и потерпели поражение в борьбе с Госдепартаментом по вопросу о М.НУ / /M.Nhu/).

После представителей O.S.S. и ФБР нас иногда навещали отдельные сотрудники военной и военно-морской разведок США. В то время это сотрудничество приносило нам только разочарование. Наши контакты с O.S.S. были вынужденными, но доброжелательными, с ФБР - официально далекими, но лично приятными.

Первый представитель ФБР у нас и МИ-5 был высоким и красивым человеком, курящим трубку, приводящим в отчаяние всех наших секретарш. Положение изменилось, когда приехал его преемник: теперь уже он сходил с ума от всех наших секретарш. Перед игрой в гольф он всегда напивался и заявлял, что он никогда не чувствует себя плохо после пьянок.

А теперь следует остановиться на развитии событий первостепенной важности. Задолго до падения Германии старшие офицеры стали заглядывать в будущее, стремясь найти перспективы возобновления их предвоенной деятельности против СССР и коммунистического движения. Было решено создать внутри организации небольшую секцию, чтобы подготовить почву для переключения с работы против противника - Германии на работу против союзника - СССР.

Для направления работы этой секции в СИС был взят состарившийся сотрудник МИ-5. Он начал работать, имея в распоряжении мизерные средства. Он собирал информацию, анализировал ее и предлагал пути будущей деятельности. Работал он уже не лучшим образом, не добивался направления ему необходимых кадров и оборудования и жаловался, что никто никогда не отвечает на его запросы. С самого начала было абсолютно ясно, что его назначение - временное, и в конце концов его должны заменить кадровым сотрудником СИС. Но стоял вопрос: "Кем?".

По мнению моего босса, не было ни малейших сомнений в том, что именно ему, кто руководил всей контрразведывательной работой за рубежом против стран Оси, предложат эту работу. Однако после осторожной консультации с другими заинтересованными лицами я подумал, что этот пост нужно занять мне самому. Взвесив все "за" и "против", я решил, что и у меня, по крайней мере, есть шансы на успех.

Я уже указывал, что в течение всей войны мой босс боролся против МИ-5, Радиоконтрразведывательной службы и правительственной Школы кодов и шифров в Англии, а также против ФБР в США, и только близорукий или неосторожный человек мог делать это. Я должен также сказать, что у него был внутренний, возможно более опасный враг, а вскоре он нажил себе и другого.

В своем единоличном стремлении к власти он пренебрег интересами своего титулованного босса, заместителя начальника разведки и настоял на том, чтобы иметь дело с самим начальником. Заместитель начальник презирал своего подчиненного, но у него не хватало характера призвать его к ответу. Он стоял за кулисами сцены, кусал ногти и постоянно смахивал слезу, катящуюся из уголка левого глаза. Казалось, что он, возможно, сможет действовать, если кто-нибудь придаст ему мужества.

Важным было то, чтобы не я сам пробивал себе дорогу к посту, а заместитель начальника СИС был идеальным орудием для этого. Мой расчет оправдался. Я стал искать с ним встреч и сводить все разговоры к вопросу о новом антисоветском, антикоммунистическом подразделении.

Я высказывал предположение, что работа в этом отделе потребует всесторонних усилий, что работать против советских служб не так просто, как против немецких. Эта работа вызовет необходимость теснейшего контакта между всеми заинтересованными службами: СИС, МИ-5, службой радиоперехвата, криптографами. В противном случае мы представляли удобную мишень для врага.

Зерна пустили корни. Очень скоро заместитель начальника нашел меня и стал ныть об ужасных отношениях, которые существовали между СИС, МИ-5 и другими службами. Он хотел, чтобы я высказал предложения по нормализации обстановки, но по причинам, вытекающим из линии моего поведения, я воздержался от этого.

Примерно в это время последний гвоздь был вбит в гроб моего босса и сделал это он сам. Дело в том, что он еще раз поссорился с Дж. Эдгаром Гувером и в порыве негодования составил проект письма, которое, по его предположению, начальник СИС должен был направить прямо Гуверу. Письмо, составленное совсем не в дипломатических выражениях, обвиняло Гувера в том, что он пренебрегает разведывательными интересами ради своих политических амбиций и содержало много обвинений в делах, подобных первому.

Но прежде чем письмо попало к начальнику СИС, оно очутилось на столе советника МИД при СИС, и последний сразу же увидел непригодность данного письма. Он вызвал заместителя начальника, который заявил, что он ничего не знал о письме, и предложил, что он сам переделает его. Однако вместо этого он принес письмо мне. Я сказал, что не могу исправлять письма своего непосредственного начальника без разрешения начальника СИС. Он ответил, что такое разрешение есть. Поэтому я полностью переделал письмо, изменив его форму и содержание. Новый проект письма попал к советнику при СИС, и затем начальник еще отправил его. Таким образом, мой босс восстановил против себя и МИД Англии.

Вскоре после этого заместитель начальника СИС вызвал меня к себе и начал разговор с того, что заявил, что он имел очень много важных консультаций с начальником службы. Я знал, что последует дальше. Хотя начальник службы и не был кадровым разведчиком, он обладал чутьем ко всем происходящим в отделе интригам, и не мог не знать о той неприязни, которую вызвал к себе мой босс.

Очень осторожно (что было его привычкой) заместитель начальника спросил меня, готов ли я возглавить новую антисоветскую, антикоммунистическую секцию. Я ответил, что готов, но при одном условии: начальник службы должен сначала получить согласие на это всех заинтересованных служб и департаментов, так как я не мог работать успешно без их доверия. В конце концов, отсутствие доверия с их стороны и вызвало падение моего босса.

Начальник службы считал идею хорошей по другим причинам. Это сильно укрепило бы его положение в случае, если что-либо случилось в будущем, так как он смог бы заявить, что назначение не было сделано необдуманно, а лишь после получения одобрения со стороны других служб.

Таким образом, я вступил на пост с письменного одобрения МИ-5 и МИД Англии, и устного - других менее заинтересованных служб. Мое новое назначение вызвало период усиленной активности и непревзойденного интереса, но так как прошло много времени, не стоит вдаваться в детали. Кроме выполнения текущей работы, я, как старший офицер контрразведки в СИС, был вынужден выполнять и другие функции. Я участвовал в работе мандатных комиссий, комиссий по назначению, межведомственных разведывательных комитетов. Я был также членом комитета, созданного начальником службы по выработке рекомендаций для организации работы в мирное время. Комитет работал долго и, по моему мнению, хорошо. Возможно поэтому его рекомендации в большинстве случаев не учитывались.

В последние месяцы войны и после поражения Германии интересы СИС изменились. Во время войны контрразведывательная секция была "козлом отпущения" службы. Старшие офицеры, участвовавшие в операциях наступательной разведки, открыто выступали против предоставления фондов секции 5, мотивируя это тем, что "контрразведка не способствует поражению Германии".

Но с исчезновением германской угрозы, операции наступательной разведки потеряли часть своего блеска. Советский Союз (основной противник) был защищен очень хорошо, так как советские власти никогда не разделяли беспечного отношения англичан к контрразведке. Поэтому трудно было ожидать легких успехов. В то же время было признано, что советские разведывательные организации одержали значительное число побед в прошлом и, возможно, все еще одерживали их. В результате этого стало сравнительно легче получать необходимые ссуды и кадры для контрразведывательных целей, и новая секция, появившаяся в результате реорганизации СИС, вскоре стала самой большой в службе. Сотрудники, которые были вызывающе пренебрежительны к контрразведке во время войны, стали приглашать меня на ланч.

В добавление к сравнительно высококвалифицированному персоналу контрразведывательной секции были заложены принципы для обеспечения большей эффективности в работе. Одним из правил было то, что все сотрудники СИС, работающие за границей, должны были пройти стажировку в контрразведке, где особый упор делался на деятельность советской разведки. Постепенно это правило стало выполняться.

Для меня это означало частые поездки за границу для ознакомления резидентов с новыми требованиями, и прикрепление к моей секции сотрудников линейных отделов на срок от 2-х недель до 3-х месяцев. Больше внимания стало уделяться контрразведке в учебном директорате, и я подготовил для него курс лекций по марксизму-ленинизму, политике СССР, структуре и методам работы советских разведывательных организаций и т.д.

Нашим основным недостатком было невежество. Вспоминая прошлое, забавным кажется, что в то время мне было запрещено сотрудничество с американцами в делах, направленных против Советского Союза.

Англо-советский договор был еще в силе, а Эрнст БЕВИН еще не поссорился с Советским Правительством. Политически опасным было сотрудничать с одним союзником против интересов другого (это заключение не относилось, конечно, к более слабым союзникам, таким как Франция, против которых англо-американское сотрудничество было постоянным).

Я приветствовал запрещение англо-американского сотрудничества в этом вопросе. В то время O.S.S. не была такой угрожающей и зловещей силой в определении политики США,

какой стало ЦРУ в настоящее время. Это запрещение давало мне возможность работать вместо того, чтобы тратить время, обменивая хорошую информацию на плохую. К чести сотрудников O.S.S следует сказать, что они никогда не ослабляли своих усилий в попытках обойти этот запрет. Когда прямая атака на нашу секцию окончилась неудачей, они выработали особый курс действий и завалили меня предложениями и приглашениями. Начальник нашей службы разобрался во всем и предложил мне есть и пить за счет O.S.S. как можно больше. В настоящее время положение изменилось. СИС и ЦРУ поддерживают тесный контакт, и условия сотрудничества диктуются ЦРУ.

Когда я писал выше об обмене хорошей информации на плохую, я не имел ввиду, что вся информация СИС была хорошей. Наоборот, возможно, большая часть времени тратилась нами на отбор ложной и вымышленной информации.

Иногда казалось, что все антикоммунистические элементы в Западной Европе объединены в одну огромную организацию, выдающую дезинформацию, и невозможно было не подозревать, что все это инспирировано советскими разведывательными органами с целью обескровить нас и выжать из нас деньги, энергию и терпение.

Была, например, блистательная дама, известная своим французским и английским коллегам по секретной работе под именем ПОЗ (POZ) - дама, прямо из романов Бальзака, способная сразить любого мужчину блеском своих огромных глаз. Раз в неделю, а иногда, к моему, ужасу, и два она доставала копии напечатанных на машинке инструкций советского посольства для ЦК КПФ. И таким разрушающим было влияние тех глаз на начальника службы, что я был вынужден читать эти донесения лично и затем осторожно делать по ним комментарии. Источник, по сообщениям ПОЗ, занимал высокий пост в КПФ. Мой начальник долго гадал, кто же это - Бенуа ФРАШОН? ДЮКЛО? Или сам ТОРЕЗ? Замечательная женщина!

И только из благочестивых мотивов я надеюсь, что ПОЗ умерла и, умирая, не раскрыла, как здорово она служила коммунистическому курсу, заставляя нас тратить время впустую. И снова, как и в случае с O.S.S. / ЦРУ необходимо сделать корректирующее добавление: работа СИС против СССР стала в настоящее время более гибкой, и все операции проводятся более тонкими методами.

После войны в целях экономии было решено, что все сотрудники СИС должны быть взаимозаменяемы, как в армии (это решение было частично вызвано также тем, что первым начальником СИС после войны был бывший директор военной разведки Военного министерства). В связи с этим все сотрудники должны были получить опыт разведывательной и контрразведывательной работы, как в Центре, так и за рубежом.

Как я и ожидал, мое имя появилось в комиссии по назначениям, где было решено, что я должен начать свое заграничное турне со Стамбула. Абсолютно очевидно, что я с большой неохотой сдал свои командные позиции в центре. Но это было неизбежно, и я мог бы получить худшее назначение, чем в Стамбул.

Турция в то время была и является сейчас одной из основных баз для проникновения в СССР и страны Балканского полуострова и проведения там разведывательной и подрывной работы. Мое назначение туда давало мне возможность применить на практике тот опыт, который я получил в Центре. Единственное, о чем я сожалел, это то, что мое место в Лондоне занял некий Бригадир, который больше был известен за публичные склоки, чем за разведывательные способности. Но худшее скрадывалось за счет деятельности прекрасного заместителя, которого прозвали "Мозги Брига".

Если посмотреть на карту, то, кажется, что Стамбул занимает выгоднейшее положение для проникновения в СССР и балканские страны. Если же взглянуть на него с Таксимской возвышенности, то перспектива эта не кажется столь блестящей. И самым большим препятствием был наш партнер по контрразведке - Инспекторат Безопасности Турции, с которым мы были связаны неписанным договором о честном сотрудничестве. Турецкой службе не хватало опыта работы, и методы ее работы были примитивны, И хотя в вопросах разведывательной деятельности мы были старшим партнером, мы всегда зависели от младшего, когда дело доходило до практики.

Турция в то время была закрытой страной с множеством военных зон, запретных для иностранцев. Границы зон никогда не публиковались и могли быть легко изменены, чтобы не допустить нас куда-либо без детально обоснованной причины. А перебросить агента через границу Грузии с базы, расположенной в 750 милях от границы, было невозможно. Все должно было делаться путем обмана и подкупа турков.

Достаточно будет одного примера, чтобы проиллюстрировать трудность такой задачи. Вскоре после моего прибытия в Стамбул, я запросил Центр рассмотреть возможность предоставления нам быстроходного судна для переброски агентов в Советский Союз морем в район Батуми. В ответ я получил задание переговорить с турками о предоставлении нам баз около Хона в обмен на всю информацию, которую мы сможем получить в результате такой операции. Я поехал в Анкару, чтобы обсудить этот вопрос с главой Инспектората Безопасности (им оказался человек с бочкоподобным телом и лицом как у жабы). Он очень заинтересовался моим предложением и его ответ был обнадеживающим,... но только наполовину. "Ну, конечно,- сказал он, - вы дадите нам лодку, мы забросим агентов и дадим вам информацию".

Центр сразу потерял интерес. Как же мы получали агентуру и информацию? Правдивый ответ на эти вопросы удручающий.

2. После войны значительное число разведчиков стран Балканского полуострова осели в Стамбуле. Они заявляли, что в их странах остались организации для сбора информации в пользу западных держав. Они ревниво оберегали свою, якобы существующую агентурную сеть, и нельзя было удержаться от чувства, что все эти организации вымышлены. Когда американцы, в результате доктрины Трумэна, активизировали свою деятельность в Стамбуле, эти сотрудники - невозвращенцы заметно оживились. Вскоре интерес Лондона к их информации резко упал, так как развитие технических служб дало возможность определять степень ее достоверности.

2. В Стамбул перебирались горстки невозвращенцев аристократического и буржуазного происхождения, которые вскоре приспособились к местным условиям и стали заявлять, что в своих странах у них остались разведывательные группы, которые они готовы продать по очень высоким ценам любой разведке, которая их купит. Но мечтам, возникшим в результате этих заявлений, не суждено было осуществиться в мое время. Быстрый анализ некоторых разведывательных групп показал, что все они были "созданы" в периоды после успешных преследований девушек в казино.

3. Более серьезными были попытки проникнуть в СССР через восточную границу, но они были безуспешны. Мы полностью зависели от эмигрантских центров в Париже, которые поставляли нам агентуру для заброски в СССР, и особенно от грузинских эмигрантов, преданных старому ЖОРДАНИИ. Совершенно ясно, что мы могли посылать через границу только молодых и здоровых людей, и также неизбежно было то, что они не знали советской действительности, так как родились за границей или выехали из России еще в

детстве. Кроме того, турки создавали нам всяческие препятствия. Они разрешали нам вербовать грузин, инструктировать и обучать их и сопровождать вплоть до Эрзерума. Но дальше все переходило в руки турецкой службы.

В мое время ни один из агентов, заброшенный таким способом, не вернулся. Я также вспоминаю в целом положительные опыты с фотографированием на большом расстоянии советской территории с турецкой границы. Это отняло у нас несколько недель, но полученные снимки, например, Еревана, были также хороши, как и те, которые выставлены в витрине "Интуриста" в Лондоне.

И хотя, может быть, вышеуказанное написано в легком стиле, воспринимать это надо со всей серьезностью. С 1947 по 1949 год, т.е. за период моей службы в Турции, мы не достигли успехов в деятельности против Советского Союза и балканских стран. Единственными были наши успехи разведывательной работы в Турции, чего, согласно вышеупомянутому неписанному договору, мы не имели права делать.

Этот факт заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее, так как он иллюстрирует, как западные державы нарушают обязательства по отношению к менее сильным союзникам. Западные державы хорошо понимали, что в случае войны с Советским Союзом, Турция будет оккупирована Красной Армией за несколько дней. И единственный интерес для западных военных стратегов Турция представляла как потенциальное поле для партизанской деятельности. Западные державы считали, что путем пропаганды они заставят жителей Турции жертвовать собой ради подрыва советских коммуникаций. Поэтому возникла срочная необходимость в составлении топографических карт, подкрепленных фотографиями местности, всей территории Турции для того, чтобы определить места, где можно было бы высадить небольшие группы парашютистов для проведения пропагандистской деятельности после того, как регулярные войска Запада покинут территорию Турции на волю судьбы.

Топографические задачи такого порядка вызвали необходимость поездок по всей стране, а это, в свою очередь, требовало разрешения турецких властей. Однако, само собой разумеется, что я не мог указать действительных причин моего интереса к таким поездкам. И если бы турки поняли смысл происходящего, а именно, что западные страны покинут Турцию с начала войны, то они бы сделали переоценку англо-американской помощи.

В связи с этим было необходимо обосновать мою просьбу тем, что во время наступления английской армии на Тбилиси ее линии связи обязательно будут проходить через Турцию. Это был довод, который и должен был выдвигать с большой осторожностью в течение нескольких месяцев.

Наконец, к моему удивлению, турки признали довод обоснованным и дали мне требуемое разрешение. Это был трагический пример доверия Турции своему древнему врагу Галлиполи и Газа. Большинство моих сообщений и тысячи фотографий уже утратили свою ценность, т.к. американцы произвели аэрофоторекогносцировку всей страны. Но понимают ли турки действительные причины этой рекогносцировки с воздуха и моей прошлой наземной рекогносцировки?

Моя служба в Стамбуле окончилась осенью 1949 года предложением поехать на работу в Вашингтон. Мне объяснили, что все сотрудники - кандидаты на высокие посты в Центре - должны прекрасно знать американские службы и уметь сотрудничать с ними. С неохотой покинул и свою неоконченную работу в Стамбуле: я понимал, что потребуется еще около

двух лет подготовительной работы прежде чем на Кавказе и в странах Балканского полуострова будут видны результаты нашей работы. Но я не мог упустить случая ознакомиться с работой американцев в нашей области и узнать о современной англо-американской деятельности против СССР в мировом масштабе.

До этого времени координационная работа между СИС и ЦРУ проводилась, в основном в Лондоне, представитель же СИС в Вашингтоне почти не принимал в ней никакого участия и поддерживал контакт только с ФБР.

В Лондоне мне дали задание изменить эту практику путем ослабления контакта между нашим представительством в Вашингтоне и ФБР и укрепления контакта с ЦРУ. Это была деликатная работа. Деятельность и ЦРУ, и ФБР была, в первую очередь, направлена против Советского Союза и коммунистического движения, и в то же время их раздражала межведомственная борьба. Обе службы считали сотрудничество с англичанами ценным для себя, хотя я иногда испытывал такое чувство, что....

В моем назначении была и ещё одна пикантная сторона: маккартизм был в полном разгаре. Я смог представить, какие ужасающие беспорядки мог вызвать невежественный политикан, подобный сенатору из Висконсина, в обществе, которое можно так легко обмануть. Вскоре я убедился, что его безжалостное преследование невинных либералов и его безошибочный инстинкт на пустячное и несущественное, представляли собой прекрасную дымовую завесу, за которой в спокойной обстановке могли действовать действительные враги американского общества. Однажды я спросил Гувера его мнение о Маккарти. Он ответил: "Он неприятный тип и нельзя положиться на него на скачках". Я понял это как то, что знаменитая "картотека коммунистов" в Госдепартаменте, не имеет никакой ценности.

Я должен добавить, что вскоре после моего приезда в Вашингтон, я был ошарашен тем, что председатель комитета по расследованию анти-американской деятельности был приговорен к I году тюрьмы за растрату общественных фондов.

Однако мое предположение, что это может вызвать смуту, оказалось беспочвенным. Финансовые махинации нельзя считать несовместимыми с американским образом жизни. Преступление - это когда схватят за руку.

Маккартизм был заразным явлением, и пробил себе дорогу в круги, от которых этого не ожидали.

Так, сотрудник ФБР, занимавший очень высокий пост, должен был быть среди первых, понимающих разницу между серьезными уликами и чепухой. Однако он заявил мне, что президент Рузвельт является "сознательным агентом Коминтерна и получает от него указания".

И хотя вряд ли в Америке был человек, которого кто-либо подозревал в измене, Гувер, в этом отношении, был исключением. Никто не критиковал его учреждения ни в конгрессе, ни в правительстве, ни в прессе. Слухи против него, распускаемые либералами, эффективно подавлялись. Как мне неоднократно разъясняли, причиной этого был тот простой факт, что "досье - в руках Гувера".

Другими словами, американцы были в такой степени запуганы бумагами в шкафах, что человек, который знал их все, стоял лишь на ступеньку ниже бога.

Мой контакт с ФБР заключался в наведении обыденных справок, и очень редко они вырастали в крупные дела. Любая бумага, появляющаяся в Министерстве юстиции из ФБР, убеждала колеблющихся.

Вскоре я пришёл к выводу, что репутация Гувера держалась на его общественных связях, а не на его личных качествах. Это положение можно проиллюстрировать на деле Клауса Фукса.

Материал, который помог разоблачить Фукса, был получен в результате совместной работы английских и американских криптографов в области русских шифров в Арлингтон Холле. На базе этого материала, сотрудник СИС провел опознание Фукса. Арест был проведен МИ-5, которое затем успешно провело его допрос. Показания Фукса, сделанные в МИ-5, вывели на Гарри Гоулда, от него на Грингласса и от Грингласса на Розенберга.

Однако в день ареста Фукса Гувер приписал успех этого дела себе, а МИД Англии постеснялся заявить, кто же действительно заслуживает похвалы. Таким образом, Гувер сумел создать впечатление, какую огромную ошибку сделали англичане, допустив Фукса к атомным секретам, и как он сам блестяще сумел направить ее.

Поэтому неудивительно, что ФБР без труда получало согласие застенчивых конгрессменов на необходимые ассигнования, которые с готовностью оплачивались восхищенной публикой. В 1949 году ФБР была обтекаемой организацией, механически работавшей по правилам, установленным боссом, и не принимаемыми во внимание в моменты опасности. Структура ЦРУ была более гибкой и могла быть описана как скопище личностей в поисках роли.

Дела пошли лучше, когда генерал Бедалл Смит сменил адмирала Хиленкоттера. Смит обладал острым умом и способностью быстро принимать рациональные решения. В этом он был противоположностью дружелюбного, всегда бормочущего и курящего трубку Аллена Даллеса, который с тех пор завоевал себе доброе имя огромным расширением ЦРУ и который может противопоставить неудаче в бухте Кочинос свой успех в Гвиане, где он доставил много неприятностей англичанам.

Так как ЦРУ находилось в стадии формирования, то его разведывательные усилия не были еще целенаправленными. Основные усилия были направлены на укрепление места СИС в Совете Национальной Безопасности, что и делалось путем интриг в Вашингтоне.

Другой целью, которую преследовали в то время, была цель не допустить французские службы к англо-американскому сотрудничеству в области разведки.

Предложение англичан об информировании высокопоставленного французского чиновника о достижениях американцев и англичан в области криптографии было твердо отклонено самим Беделлом Смитом, который не хотел сотрудничать с французами до тех пор, пока коммунисты Франции не были полностью исключены из общественной жизни страны. В результате этого, ЦРУ могло получать информацию о коммунистическом движении во Франции лишь из французской прессы. К этому добавлялась вымышленная информация, которая шла от источников, подобных ПОЗ.

ЦРУ и СИС тесно сотрудничали в области военного планирования. Эта сторона моих обязанностей была довольно гладкой частично потому, что Беделл Смит стоял за англо-американское сотрудничество на всех уровнях, а частично и потому, что вскоре реальность исчезла из наших планов. Наши детально разработанные схемы организации и

местонахождения первостепенной важности целей были основаны на том, что опыт 2 мировой войны - надежный указатель ведения войны против Советского Союза.

Когда русские нарушили американскую монополию на атомную бомбу, наши планы поднялись до уровня фантазии, где уже не было о чем спорить. В ЦРУ существовал отдел, известный как Отдел политической координации. В его функции входили подрывная работа, саботаж, дезинформация и т.п.

Незадолго до моего приезда в Вашингтон было решено провести совместную англо-американскую "операцию Лоцман", целью которой было отделение Албании от коммунистического блока. Ее назвали "операцией Лоцман" потому, что в случае удачи, она бы проложила дорогу к другим операциям против Болгарии, Румынии, Польши ... и кто знает, против Украины, Белоруссии, Азербайджана! Перспектива была ослепляющей и бесконечной.

К несчастью, ослепление началось еще дома. Во-первых, Госдепартамент и МИД Англии проявляли нервозность, предоставляя свободу действий неиспытанным секретным организациям в области международных отношений. В Вашингтоне был создан "Объединенный политический комитет", в котором были представлены ЦРУ, СИС, Госдепартамент и английское посольство в Вашингтоне.

Все значительные шаги, связанные с "операцией Лоцман" должны были обсуждаться Государственным Секретарем США и Министром иностранных дел Англии. В то время Эрнест Бевин имел много работы и выработал привычку откладывать албанские газеты на самый низ (за исключением тех случаев, когда он, без объяснений, говорил: "Мне это не нужно").

Во-вторых, политическое положение среди албанских невозвращенцев вызывало много разногласий между английскими и американскими инициаторами этой операции. Американцы выступали за, как они называли, "прогрессивный элемент в албанской эмиграции" в лице загадочного молодого юриста по имени Хассан Дости, который по подсказке и с помощью денег ЦРУ, создал в Нью-Йорке "Албанский комитет" и провозгласил власть над всеми албанскими невозвращенцами, хотя многие из них и не слышали о нем.

С другой стороны, англичане стояли за полуфеодальные элементы и их главарей подобных Аббасу Купи, который завоевал восхищение смелых молодых парашютистов, таких как Джулиан Эмери, возможно потому, что они отказались тратить свой порох против стран Оси, предпочитая держать его наготове для борьбы с коммунистическими элементами.

При таких обстоятельствах удивительно, что после более чем годового дискуссирования, несколько десятков агентов были высажены на побережье Албании, а одному или двум из них удалось перебраться через Албанию в Грецию.

Это привело еще к одному международному спору. Служба безопасности Греции, которой, вполне естественно, агенты представились, хотела оставить их для использования в своих интересах. С другой стороны, американцы и англичане, которые являлись организаторами операции и заплатили за нее, хотели единолично пользоваться её результатами. Возникла также деликатная проблема: сколько и что говорить грекам. Я уехал из Америки, так и не дождавшись решения этой новой головоломки.

А в это время началось дело огромной важности. Совместными усилиями американских и английских криптографов были получены доказательства утечки информации из английского посольства пять лет назад.

Вкладом ФБР в расследование этого дела было огромное число папок с документами проверки личного поведения младших сотрудников английского посольства и обслуживающего персонала из местного населения. Сейчас хорошо известно, что эти материалы не имели ничего общего с этим делом. Именно расследования, проведенные МИ-5 с некоторой помощью СИС, указали на определенный круг лиц, что затем привело к раскрытию ещё одной группировки, а потом уже (правильно или неправильно) указало на меня и окончило мою карьеру в СИС.

Я кончаю свой рассказ небольшой любопытной деталью. В течение всей моей работы в Вашингтоне, я старался следовать инструкциям по ослаблению связи с ФБР и укреплению - с ЦРУ. Однако, когда меня отозвали в Лондон, не кто иной, как старшие сотрудники ФБР выразили мне свое искреннее и деловое сожаление и даже советовали, что мне надо говорить в оправдание моего участия в этом деле. Почему же так вышло?

Не нужно далеко ходить, чтобы узнать причину этого. Они часто виделись с Гаем Берджессом в моем доме и приглашали его к себе домой. Очевидно, любое подозрение о моем участии бросило бы тень и на них. Они проводили меня из Вашингтона, горячо желая моего благополучия, хотя некоторым из них удалось покинуть тонущий корабль, когда появились признаки его гибели.

" " сентября 1964 года № 1/14-9786

А вот еще один специально для книги рассекреченный Службой внешней разведки документ. Это переведенное с английского в Пресс-бюро СВР письмо Филби советским друзьям, в котором он рассказывает о точном распорядке дня своей семьи - третьей жены Элеоноры и детей. Между ним и разведкой нет и не может быть никаких секретов. Если что-то случится, то он верит: русские товарищи обязательно помогут.

Рассекречено

Если дети все еще посещают в школу, то две девочки выходят из дома каждое утро в 7.45, за исключением воскресенья. Мальчик выходит из дома каждое утро в 7.45, кроме субботы и воскресенья. Девочки возвращаются вечером примерно в 4.30, а мальчик - в 5. (Однако, похоже, они не будут посещать школу в этом семестре, но я в этом не вполне уверен).

Служанка, которая не говорит по-английски, приходит примерно в 8.00 утра и уходит между 1 и 2 часами по полудню. Ее дочь приходит в неопределенное время через день для того, чтобы постирать.

Моя жена редко покидает дом раньше 9.30 утра. Она обычно делает основные заказы в бакалейной лавке по телефону примерно в 9.00 утра. Если ей надо пройтись по магазинам, то она выходит из дома между 10.00 и 11.00 и идет, либо налево в направлении Хамра стрит, либо поворачивает направо в направлении Баб Идрисс. Если посещение магазинов не входит в ее планы, то она обычно идет в сторону отеля Норманди, чтобы забрать почту и газеты примерно в 11.30 (почта редко приходит раньше середины дня). Обычно она возвращается домой на такси примерно в 1.00 или чуть позже.

Перед Пасхой моя жена посещает курсы в университете по понедельникам, средам и пятницам, выходя из дома между часом и двумя по полудню, и возвращается около 5 вечера. Я, правда, не знаю, посещает ли она курсы после Пасхи. По вечерам она либо остается дома, либо берет такси, чтобы отправиться в гости.

Ясно, в каких целях писалась лаконичная записка. И пришло в январе 1963-го время побега из Бейрута. У Филби не было ни тени сомнений. После встречи с советским резидентом Ким как был в одном костюме, даже без портфеля, добрался до стоявшего в порту сухогруза "Долматов". Там его уже ждали. 23 января 1963 года судно покинуло причал. Вскоре "Долматов" добрался до Одессы.

Анализируя случившееся в Бейруте, Филби пришел к выводу: уйти ему дали сознательно. Резидент Лан, призванный присматривать за Филби, в самый напряженный для британской контрразведки момент повел себя по меньшей мере странно, не проявляя никакого рвения. Друг Филби Николас Элиотт, приехавший из Лондона, мгновенно улетучился из Бейрута, сделав свое дело. В чем оно заключалось? Разве не в том, чтобы предупредить Филби? Его могли арестовать еще в Бейруте, вызвать в Лондон, насильно увезти...

Есть все основания предполагать, что не только СИС, но и английское правительство не стремились арестовывать одного из руководителей своей секретной службы. Как бы выглядел в глазах соотечественников ставший к тому времени премьером Гарольд Макмиллан? Ведь это он в ранге главы Министерства иностранных дел в 1955 году снял в своем выступлении обвинения против Филби, а как бы оправдывалась сама разведка, проморгавшая разведчика, работавшего на СССР в течение почти трех десятков лет. Все это могло привести к падению правительства, увольнениям в спецслужбах. Никто, совершенно никто не был в этом заинтересован.

Дальнейшие события подтвердили, что сделанный анализ верен. Вскоре без излишней шумихи Николас Элиотт плюс еще несколько друзей Филби по СИС, которые доказывали его невиновность, были отправлены в отставку. А "проворонивший" его резидент Пит Лан награжден в Лондоне одним из почетнейших орденов Британской империи.

Косвенно свидетельствует в пользу этой версии и еще один документ, рассекреченный для этой книги. В нем уже живущий в Москве Филби объясняет руководству Службы, что происходило с его семьей после бегства из Бейрута и возвращении жены - американки Элеоноры в США.

Рассекречено

23 января моя жена и я были приглашены на обед к Балфору-Полу (другу семейства Филби, известому арабисту, поэту, переводчику и дипломату. В своих воспоминаниях Балфор-Пол называет Филби предателем и очаровательным, лучшим другом - авт.). Там должна была присутствовать также семья Копеландов. В 3.00 вечера я получил сигнал от нашего друга, указывающий на необходимость встречи в 6.00 вечера для консультации. С этой целью вскоре после 5.30 вечера я вышел из нашей квартиры, сказав жене, что, если я задержусь, то ей следует отправиться к Балфору-Полу без меня и ждать меня там. На встрече с другом я был проинформирован о том, что все приготовления были ускорены, и я тот час должен был уезжать. Поэтому я позвонил по телефону на квартиру и сказал моему сыну, который поднял трубку, чтобы он передал Элеоноре, что я, скорее всего, буду очень поздно. Где-то между 6.00 и 7.00 Питер Лан позвонил моей жене и пригласил меня к телефону. Он не сказал, что у него срочное дело ко мне. Моя жена ответила, что

меня нет дома, но что я присоединюсь к ней во время обеда у Балфора-Пола, и что он сможет переговорить со мной там.

Во время обеда моя жена начала тревожиться. Копеланды старались успокоить ее, говоря, что я, очевидно, охочусь где-то за очередной журналистской сенсацией. Их доводы не слишком успокоили ее, поскольку я всегда ранее информировал ее о всех своих передвижениях. Поэтому моя жена вскоре покинула обед у Балфора-Пола и пришла домой около 10.30 вечера. Уже за полночь она перезвонила Питеру Лану. Его не было дома в тот момент, но его жена знала, где он находится. Затем Лан позвонил Элеоноре, которая спросила, не знает ли он о моем местонахождении. Он ответил, что не знает, но готов навестить ее, чтобы обсудить возникшую ситуацию. Он пришел в нашу квартиру примерно в 2.00 ночи. (Моя жена была уверена, что со мной произошел несчастный случай).

Моя жена не заметила признаков тревоги в поведении Лана, и это не удивительно, поскольку он человек холодного рассудка, а моя жена встречалась с ним лишь несколько раз случайно. Погода этой ночью была просто ужасной, и Лан сказал, что ливанская полиция, скорее всего, откажется предпринять срочные меры, и отложит расследование до утра. (Это было главной ошибкой Лана).

На следующее утро Лан связался с Элеонорой и сообщил ей, что действует сообща с британским консулом Пьеротти, и что они попросили ливанскую полицию опросить все госпитали на предмет несчастных случаев, которые произошли предыдущей ночью. (Статья в "Обсервере", утверждающая, что Копеланд и Элеонора потратили 100 фунтов на такси, разыскивая меня - полностью неправда).

Положение моей жены усложнялось еще и тем фактом, что прошло несколько дней, прежде чем она нашла записку, в которой я поздравлял с годовщиной нашей свадьбы, и которую я оставил на комод.

Спустя два или три дня Пьеротти появился с двумя офицерами ливанской полиции, которые подробно допросили Элеонору, во что я был одет в момент исчезновения. Следующим событием стало прибытие моего письма, в котором я описывал ей, где ей найти 3000 ливанских фунтов, которые я оставил ей, и что ей следовало говорить о причине моего длительного путешествия по региону. Это письмо Элеонора показала Лану. Элеонора также дала понять Лану, что я ничего с собой не взял. (Спустя какое-то время Элеонора сочла это заявление не слишком осмотрительным, поскольку некоторые мои вещи, на самом деле, пропали). Позднее в январе Лан пригласил Элеонору на ланч и задал ей конкретные вопросы о том, могло ли состояние моего здоровья, финансовое положение, или какие-либо другие моменты стать причиной для беспокойства. Элеонора ответила, что, как ей кажется, у меня были причины для беспокойства, которые могли бы повлиять на общее состояние моего здоровья, плюс переживания, возникшие в предыдущем году. (Я, действительно, многое пережил во время свадьбы моей старшей дочери, а также после мотоциклетной аварии, в которой мой сын серьезно ранил пожилую женщину).

В начале февраля Элеонора решила поговорить с Майлсом Копеландом, которого она знала двенадцать лет. Одной из причин поступить именно так было то, что она не слишком доверяла Питеру Лану. Копеланд предложил связаться с Николасом Элиоттом, который находился в это время в регионе, с просьбой к нему срочно прибыть в Бейрут. Элеонора согласилась с предложением, и Элиотт прибыл в течение 24 часов.

Разговор Эллиотта с Элеонорой носил самый общий характер. Они ограничились обсуждением возможного моего местопребывания, состояния здоровья, психологического состояния и т.д. Порой казалось, что у Эллиотта сложилось впечатление, что я мог быть обманом вывезен помимо моей воли. Он также пообещал сделать все, чтобы пролить свет на мое таинственное исчезновение и заверил Элеонору, что если она захочет поговорить с ним, он прибудет в Бейрут в течение 28 часов. Он также предложил в виду того, что между Элеонорой и Ланом не сложились отношения, сделать Балфора-Пола ее доверенным лицом в посольстве. Действительно, несмотря на то, что Элеонора немного рассказала Балфору-Полу, он положительно влиял на ее моральное состояние в целом и был чрезвычайно полезным во взаимодействии с прессой и в вопросе документов Гарри.

Тем временем ливанская полиция стала проявлять такой интерес к содержимому моего сейфа (который к слову был настолько мало защищен от взлома, что поддавался бы усилиям ребенка), что Пьеротти взял его под свою защиту. На самом деле там ничего не было кроме личных документов.

Весь этот период моя жена была объектом преследования со стороны журналистов и фотографов. Она также заявляла, что агенты местного управления государственной безопасности (Сюрте) побывали в пустой квартире, чтобы организовать там постоянное наблюдение. Обычная процедура слежки ограничивалась подкупом консьержки и записью телефонных переговоров.

Что же, вскоре Элеоноре было разрешено присоединиться к Филби в Москве. Она даже написала об этом книгу. Я надеялся увидеть в ней какие-то откровения. Ничего похожего. Скучная и плохо написанная бытовуха. Мне запомнился лишь один эпизод. Элеонора подробно описывает, как один из офицеров КГБ высокого ранга, регулярно приходящий в их московскую квартиру всегда приносит с собой в качестве сувенира что-нибудь из съестного. Нам-то это понятно: люди постарше помнят, как мы жили в 1960-е. А Элеонора вопрошает: разве это дело, что человек такого ранга приносит нам пакеты с гречкой?

Один из свидетелей их совместной жизни припоминает: Элеонора страшно пила. Причем всегда просила их опекавших покупать водку. К ней она питала особое пристрастие.

В Москве Элеонора не прижилась. И не стану осуждать за это американку, заброшенную к нам по воле судьбы. "Декабристки" из нее и не должно было получиться.

Она уехала в США - на время. К удивлению Филби, спецслужбы США не чересчур утруждали себя расспросами жены советского разведчика, что подтверждает еще один рассекреченный документ. Вот что пишет Ким Филби.

Рассекречено

Секретный отъезд Элеоноры из Бейрута стал возможным благодаря помощи Балфора-Пола, Дика Паркера из американского посольства, Майлса Копеланда и менеджера местного отделения государственной авиакомпании ВОАС господина Ингхема, который изъял ее имя из списка пассажиров рейса, а также получил разрешение начальника аэропорта доставить ее прямо к борту самолета под предлогом болезни. В Лондоне самолет встретили телевизионщики и журналисты газет, но благодаря заботе командира корабля Элеоноре было разрешено оставаться на борту до тех пор, пока пишущая братия

после томительного ожидания не переместилась в бар. Предоставленный для нее автомобиль проскользнул никем незамеченным.

С момента ее прибытия и до времени отправления в США Элеонора оставалась с моей сестрой Пет. (Журналистская версия о том, что ее прятала британская контрразведка МИ - 5 - полнейшая чепуха). Первые несколько дней она пролежала больной и не могла ходить. Она побеседовала по телефону с Элиоттом, и тот направил своего врача обследовать ее. Как только она смогла ходить, она встретила с Элиоттом и, вскоре Николас предложил ей поговорить с Артуром Мартином из МИ- 5, чье имя известно в связи событиями 1950-51 годов, когда тот вел расследование дела Маклина.

ФБР вступила в контакт с Элеонорой по телефону в течение трех дней после ее приезда. Скорее всего, они получили ее адрес через иммиграционные власти. Она предложила встретиться с ними на следующей неделе. Два агента зашли к ней, один из них назвался Миллером. Оба были молоды, чуть старше тридцати и были подозрительно хорошо одеты. Их манеры были нарочито вежливы. Беседа длилась менее часа, и лишь один уточняющий вопрос прозвучал по телефону на следующий день: их интересовало, было ли кладбище по пути к нашей квартире? Элеоноре давали понять, что она не представляет интереса для ФБР.

Единственное, что их интересовало в моей прошлой жизни, так это мое пребывание в США. Они спросили Элеонору, знает ли она что-нибудь о моей деятельности в Вашингтоне. Она ответила, что никогда не встречала меня до прибытия в Бейрут, поэтому ничего и не могла знать. Они и не стали копать глубже.

То, что они действительно хотели узнать, так это как мы живем. Очевидно, они ничего не знали про Москву и с трудом могли произнести "Кутузовский". Они хотели знать: чувствую ли мы себя уютно, сколько я получаю, как провожу вечера. Несколько заинтересовали их наши путешествия. Элеонора обрисовала им картину комфортабельной и легкой жизни в полном достатке, позволяющем приобретать все, что мы пожелаем.

Они поинтересовались нашими друзьями. Элеонора рассказала, что мы старались избегать контактов с представителями западных стран, чтобы нас не докучали журналисты. Она сказала, что мы часто видимся с Маклинами и описала наши выходные дни на даче. Что касается контактов с русскими, она сказала, что их было много, но что она едва запомнила что-нибудь помимо русских имен: Иван, Сергей и так далее. Они и не настаивали. Они не просили взглянуть на фотографии, чтобы провести идентификацию личностей. Она рассказала, что я работаю свободным журналистом, но она не знает, единственный ли это мой доход. Они не спросили, какая газета публикует мои статьи.

Я, право, затрудняюсь назвать причину столь незаинтересованного отношения к Элеоноре (они даже не сделали ни единой пометки в ходе беседы). Это говорит о том, что они уже поняли, что она ничего не знает, и опрашивали ее в рамках обязательной процедуры. Похоже на то, что нам не стоит ждать опасности от американцев в ближайшем будущем.

Из всех друзей Элеоноры только один художник из Калифорнии по имени Милдред Софи Портер отвернулся от нее, когда стало известно о моем разоблачении. Все остальные без исключения, казалось, относились ко мне с преувеличенным уважением. Майлс Копеланд, однако, говорил ей, что Николас Элиотт до сих пор вздрагивает при упоминании моего имени. Возможно, такая реакция - результат того самого письма, которое мы направили ему? Как утверждаем Майлс, вскоре после того, как мой случай был предан огласке, Николас потерял работу.

Майлс, в свою очередь, по-прежнему весьма дружелюбен. Недавно он открыл свои представительства в Лондоне и в Нью-Йорке (Рокфеллер Центре) и сосредоточился на ниве просвещения, в особенности активен в странах третьего мира, продавая там обучающие машины, если такие вообще существуют. Он порвал со своими бывшими партнерами Эйхельбергером и Лимфкиным. Он намеревается перебраться в Лондон, но останавливает лишь то, что его собака породы мастифф, вынуждена будет провести шесть месяцев в карантине. Еще одна любопытная новость от Майлса касается Эда Шихана, чья книга о Кермите Рузвельт должна вскоре выйти из печати. (Кстати, вышла статья о Киме Филби, написанная неким Рональдом Киркбриджем, которого я никогда в глаза не видел).

Элеоноре, наконец, удалось решить проблемы с наследством и весь капитал теперь в банке. Опекунский договор передает официальные права надзора Брюеру, но Элеонора получила право доступа с территории Англии или США. Пару неприятных сцен произошли между ней и Брюером. По ее словам, он выглядит весьма мрачным и, вполне понятно, недружелюбным. У него есть все шансы потерять работу в "Нью-Йорк таймс". (Сейчас он шеф бюро газеты в ООН).

Элеоноре, в конце концов, выдали паспорт без ограничений, кроме обычных запретов, распространяемых на всех американцев, посещать, например, Албанию, Кубу и так далее. Единственного человека, с кем ей довелось общаться в госдепартаменте, был господин Шварц, который был вежлив с ней. Вся процедура заняла чуть более получаса. Обошлось ей все в сумму около 2500 долларов, и она намеревается попросить своего адвоката вернуть часть потраченных денег. В принципе можно попробовать заставить госдепартамент признать свои действия неправомерными и, таким образом, получить компенсацию. Лично я думаю, что в данном случае надежды мало, но попробовать стоит.

**

Вопреки ожиданиям Элеонора вернулась в Москву. И здесь быстро узнала о романе Кима с Мелиндой Маклин. Вскоре она покинула СССР - уже навсегда. Через несколько лет она скончалась от рака.

К счастью, через несколько лет Ким Филби встретил Руфину. По крайней мере шестнадцать лет из вместе прожитых восемнадцати были, как мне кажется, самыми счастливыми в жизни Кима Филби и его супруги.

Приложения

Эти материалы были рассекречены Службой внешней разведки весной 2011 года к 70-летию со дня начала Великой Отечественной войны. Среди них и множество сообщений из Лондона. Привожу лишь несколько без каких-либо поправок и сокращений. Замечу, что "Зенхен" - оперативный псевдоним Кима Филби.

Сообщение заграничного аппарата из Лондона

Ист. "___" Прил. к § 4 п. 13/8 5 апреля 1939 г. № 9744 С.С.С.Р. и Англия

Г-н Гринвуд, руководитель Рабочей партии:

"Мы не можем не знать, что СССР с того времени как вошел в Лигу Наций проявил больше лояльности в своих принципах и решениях, чем английское правительство.

Советская Россия могла бы быть решительным фактором в деле поддержки всеобщего мира".

Г-н Ллойд Джордж:

"Если завтра III империя объявит войну Польше, Англия не сможет послать ни одного батальона в эту страну. Франция будет иметь сомнительные укрепления. Польская армия, как бы она ни была сильна, столкнется с чрезвычайными затруднениями. При таких условиях политика правительства основывается на ложных предположениях".

Ллойд Джордж проанализировал четыре гипотезы:

1. Нейтралитет Италии. Италия остается верной оси Рим-Берлин: итальянская армия в двое сильнее чем в 1914 г.
2. Нейтралитет Испании. Это неизвестность.
3. Будет ли судоходство в Средиземном море таким же свободным как в 1914 г. Ллойд Джордж не верит этому.
4. СССР рано или поздно вмешается. Ллойд Джордж настаивает на необходимости советского вмешательства, как на суше так и на море с самого начала военных действий. Он утверждает, что советская армия насчитывает в настоящее время 18 миллионов человек и военная подготовка этих людей значительно выше чем в 1914 г.

Что же касается возражений Польши по поводу участия русских, Ллойд Джордж считает, что Англия должна поставить условия для этого сотрудничества.

Г-н Антони Иден:

Он критически отнесся к заявлениям Ллойда Джорджа. Он проанализировал вопрос советского сотрудничества и заметил, что Германия в случае войны будет иметь столкновение на Востоке также как и на Западе и что разница по сравнению с 1914 годом в части касающейся Средиземного моря заключается в англо-турецкой дружбе.

Официальные заявления.

Лорд Галифакс заявил в палате лордов на вопрос по поводу России, который ему частно задают в кулуарах Вестминстера до начала заседания:

"Я могу сказать, что английское правительство полностью отдает себе отчет в том какое значение имеет позиция Советского правительства и придает большое значение поддержки хороших отношений в СССР".

Он напомнил, что некоторые нации имеют натянутые отношения с СССР, вследствие разногласий по идеологическим вопросам. Но он заявил, что со стороны английского правительства таких затруднений не существует.

Чемберлен:

"Я ничуть не считаю, что между СССР и Великобританией не существует идеологических разногласий. Эти разногласия остаются все те же. Но как я уже сказал в пятницу, эти

разногласия каковы бы они ни были не имеют значения в тех вопросах, которые интересуют нас сегодня.

Вопрос который нас занимает - это сохранение нашей независимости и когда я говорю "нашей" я не хочу сказать только о независимости Англии, но я хочу сказать о независимости всех государств которым может угрожать агрессия.

Мы принимаем сотрудничество всякой страны каковы бы ни были ее система внутренних политики, не имея ввиду агрессию, а желая противостоять агрессии".

Перевела:

Верно: (подпись)

Сообщение из лондонской резидентуры

Совершенно секретно

Справка.

Вадим из Лондона сообщает, что точных данных относительно целей прибытия Гесса в Англию еще не имеется. По сведениям, полученным "Зенхеном", в личной беседе с его приятелем Томом Дюпри (заместителем начальника отдела печати МИД'а) и еще не проверенным через другую агентуру.

1. Гесс до вечера 14 мая какой-либо ценной информации англичанам не дал.
2. Во время бесед офицеров английской военной разведки с Гессом, Гесс утверждал, что он прибыл в Англию для заключения компромиссного мира, который должен приостановить увеличивающееся истощение обеих воюющих стран и предотвратить окончательное уничтожение Британской империи, как стабилизирующей силы.
3. По заявлению Гесса, он продолжает оставаться лояльным Гитлеру.
4. Бивербрук и Иден посетили Гесса, но официальными сообщениями это опровергается.
5. В беседе с Кирк Патриком, Гесс заявил, что война между двумя северными народами является преступлением. Гесс считает, что в Англии имеется стоящая за мир сильная античерчилльская партия, которая с его (Гесса) прибытием получит мощный стимул в борьбе за заключение мира.

Том Дюпри на вопрос "Зенхена" - думает ли он, что англо-германский союз против СССР был бы приемлемым для Гесса, ответил, что это именно то, чего хочет добиться Гесс.

До прибытия в Англию, Гесс написал герцогу Гамильтону письмо, оно было своевременно перехвачено английской контрразведкой, пролежало там около шести недель и затем было отправлено адресату. Гамильтон, получив письмо через 3 дня, передал его в контрразведку.

В парламенте Черчиллю был задан вопрос - в распоряжении каких (военных или гражданских) властей находится Гесс.

Черчилль ответил - "Гесс мой пленник", предупреждая тем самым оппозицию от интриг с Гессом.

"Зенхен" считает, что сейчас время мирных переговоров еще не наступило, но в процессе дальнейшего развития войны, Гесс возможно станет центром интриг за заключение компромиссного мира и будет полезен для мирной партии в Англии и для Гитлера.

(по 18.5.41 г. № 338.)

Верно: (подпись)

"22" мая 1941г.

Сообщение из лондонской резидентуры

Совершенно секретно

Справка.

Вадим сообщил из Лондона, что:

1) по данным "Зенхен" Гесс прибыв в Англию заявил, что он намеревался прежде всего обратиться к Гамильтону знакомому Гесса по совместному участию в авиасоревнованиях 1934 года. Гамильтон принадлежит к так называемой кливденской клике. Гесс сделал свою посадку около имения Гамильтона.

2) Кирк Патрику, первому опознавшему Гесса чиновнику "Закоулка" Гесс заявил, что привез с собой мирные предложения. Сущность мирных предложений нам пока неизвестны. (Кирк Патрик - бывший советник английского посольства в Берлине).

14/V-1941 г. № 376.

Резолюция тов. Журавлева - т. Рыбкиной - телеграфируйте в Берлин, Лондон, Стокгольм, Америку, Рим. Постарайтесь выяснить подробности предложений.

Верно: (подпись)

Сообщение из Лондона* 20 VI 1941 г.

Из ряда документов о заключении турецко-немецкого договора о сообщенных нам "___", сейчас после опубликования текста, заслуживает особого внимания один факт. Английский посол в Анкаре телеграммой № 1464 от 15 июня сообщил об одной из своих бесед с турецким министром иностранных дел, посвященной обсуждению проекта договора. Излагая ход беседы английский посол пишет о следующем замечании турецкого министра иностранных дел:

"Его превосходительство напомнил подробнее о точке зрения, выраженной в параграфе 5 вашей телеграммы № 1157 о том, что война между СССР и Германией - в интересах Турции. Он заявил, что турецкий отклик на немецкое предложение является прямым вкладом навстречу этому. многоточие.

"___", из телеграмм английского посла по этому вопросу следует, что после двух бесед Сара-Джиоглу (Сараджоглу) с фон Папен, своевременно сообщенных вам, был некоторый интервал, после чего между 12 и 16 июня переговоры возобновились и были быстро закончены под давлением немцев. Во всяком случае так освещает все это дело английский посол в Анкаре.

19/VI № 524. Вадим.

Сообщение из Лондона

Совершенно секретно

Сообщение из Лондона* 20 VI 1941 г.

"___" сообщил нам, что среди бумаг "___" он видел запись одной из последних бесед Идена с Майским, где Иден сообщил о готовности Англии послать в СССР военную миссию, если это станет необходимым и обещал активизацию деятельности английской авиации против Германии для ослабления немецкого давления на СССР, в случае германо-советской войны. Точнее по этому вопросу мы получили на днях.

Одновременно с этим, за последнее время англичане усиливают свои приготовления к бомбардировке Баку. 16 июня, под председательством Черчилля состоялось очередное заседание комитета имперской обороны, на котором обсуждался вопрос о средствах прекращения получения Германией нефти. В своем выступлении Черчилль настаивал на скорейшем завершении всех приготовлений к бомбардировке Баку, что, по мнению "___" является одной из его "Идей Фикс" в настоящее время. На этом заседании Черчилль спросил Бивербрука о его мнении по этому вопросу. Бивербрук уклончиво ответил, что "Кавказская схема кажется ему сейчас очень отдаленной". В беседе с "___" "___" охарактеризовал всю эту схему как "совершенно идиотскую", ибо значительно легче, проще и целесообразнее бомбить запасы нефти, заводы по добыче синтетической нефти и прочее, находящиеся у порога Англии, то есть в Германии. По предложению "___" комитет принял решение провести очень крупную бомбардировку Гельзенкирхена, однако по настоянию Черчилля главнокомандующему индийской армией была в тот же день, начальниками штабов послана следующая телеграмма № 130: "Ход развития советско-германских отношений может сделать для нас исключительно выгодным быть готовыми предпринять бомбардировку Бакинских нефтепромыслов с минимальнейшей задержкой. В связи с этим, предлагаем вам дать указания командующему войсками в Ираке, совместно с командующим авиацией в Ираке и в сотрудничестве с командующим авиацией на Ближнем Востоке, сделать все административные приготовления для этой операции, включая все требуемые расширения и улучшения выбранных посадочных площадок. Предполагаемый объем атак будет равняться интенсивным операциям примерно в продолжение месяца, двух эскадрилий бомбардировщиков "Веллингтон" и двух эскадрилий бомбардировщиков типа "Бленхейм" оперирующих из Мосула".

Рассекречено

Служба внешней разведки РФ 10 19/VI-41 г. № 525. Вадим.

Совершенно секретно

Подпись № 1 материалов, полученных с почтой № 14/А от 20.V.49 года

1. Телеграмма № 5 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 22.I.48 года - политический обзор № 1 4 фотоклише
2. Телеграмма № 7 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 11.II.48 года - политический обзор № 2 3 -"
3. Телеграмма № 8 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 26.II.48 года - политический обзор № 3 5 -"
4. Телеграмма № 9 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 12.III.48 года - политический обзор № 4 4 -"
5. Телеграмма № 11 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 2.IV.48 года - политический обзор № 5 4 -"
6. Телеграмма № 14 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 23.IV.48 года - политический обзор № 6 4 -"
7. Телеграмма № 16 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 10.V.48 года - политический обзор № 7 3 -"
8. Телеграмма № 19 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 27.V.48 года - политический обзор № 8 4 -"
9. Телеграмма № 22 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 12.VI.48 года - политический обзор № 9 4 -"
10. Телеграмма № 10 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 3.VII.48 года - политический обзор № 10 3 -"
11. Телеграмма № 28 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 26.VII.48 года - политический обзор № 11 4 -"
12. Телеграмма № 31 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 9.VIII.48 года - политический обзор № 12 3 -"
13. Телеграмма № 33 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 30.VIII.48 года - политический обзор № 13 3 -"
14. Телеграмма № 37 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 21.IX.48 года - политический обзор № 14 4 -"
15. Телеграмма № 38 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 4.X.48 года - политический обзор № 15 5 -"
16. Телеграмма № 39 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 14.X.48 года - политический обзор № 16 3 -"
17. Телеграмма № 44 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 1.XI.48 года - политический обзор № 17 3 -"
18. Телеграмма № 46 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 17.XI.48 года -

- политический обзор № 18 3 "-"
19. Телеграмма № 48 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 7.XII.48 года -
политический обзор № 19 4 "-"
20. Телеграмма № 50 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 28.XII.48 года -
политический обзор № 20 4 "-"
21. Телеграмма № 2 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 18.I.49 года -
политический обзор № 1 4 "-"
22. Телеграмма № 5 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 7.II.49 года -
политический обзор № 2 4 "-"
23. Телеграмма № 7 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 1.III.49 года -
политический обзор № 3 3 "-"
24. Телеграмма № 9 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 29.III.49 года -
политический обзор № 4 4 "-"
25. Телеграмма № 14 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 11.V.49 года -
политический обзор № 6 4 "-"

Итого 93 фотоклише

Верно: " ____ " мая 1949 года

Рассекречено

Служба внешней разведки РФ 10

Совершенно секретно

Товарищу Сталину И.В.

Товарищу Молотову В.М.

Резидент КИ в Лондоне в ночь на 23 сентября т.г. телеграфно сообщил о том, что он от агента, работающего в _____, получил сведения, что разведывательные органы США и Англии совместно разработали план подрывных мероприятий против Албании, названный - операция "Ценная".

Этот план предусматривает заброску в Албанию диверсионно-повстанческих групп, укомплектованных из албанских эмигрантов - фашистов, с задачей поднять в Албании весной 1950 года "партизанское движение" против правительства Энвера ХОДЖА.

В осуществление плана, на островах Мальта и Корфу организованы базы для подготовки таких групп. В ночь на 18 сентября с.г. две первые группы, по пять человек каждая, были заброшены на территорию Албании. Заброска двух других групп намечена в ночь на 24 сентября. Ведется подготовка еще нескольких групп, которые, возможно, будут переправлены в Албанию в текущем году.

Сведения о заброске диверсионно-повстанческих групп в ночь на 24 сентября переданы нами через нашего негласного советника при Министерстве внутренних дел Албании т. ГЛАЗКОВА Мемед Шеху для принятия соответствующих мер.

С.Савченко
24 сентября 1949 г. № 3309/С

Верно. Подпись 25.10.49

Рассекречено

Служба внешней разведки РФ 10

Совершенно секретно

Экз. № 1

Справка по рабочему делу № 5581 "С" о реализации документальных материалов, полученных из Лондона с почтами 1949 года.

За период с января по декабрь 1949 года в 5 Управлении КИ было направлено 75 документов на 185 листах. Прислана оценка на все документы. Из них:

Направлено в инстанции 52 документа (68%)

Использовано в л/делах 23 документа (32%)

Кроме того, направлено в инстанции и в другие Управления КИ 4 агентурных донесения и спецсообщения.

Наиболее ценными документами, получившими наивысшую оценку, являются следующие:

1. Доклад английского генерала Кларка о состоянии вооруженных сил Турции. Материал получен с почтой № 14/А от 20 мая 1949 года и по оценке тов. Захарова представляет значительный интерес.
2. Материалы о техническом и топографическом описании некоторых железнодорожных мостов, тоннелей и других дорожных объектов Турции. Материалы получены почтой № 14/А от 20 мая 1949 года и по оценке тов. Панфилова представляют большой оперативный интерес.
3. Сообщение тов. Вышинскому от 26 июня 1949 года, составленное на основании личной записки источника, о планах английской разведки по заброске в СССР, о некоторых действующих агентах английской разведки в странах Народной демократии, а также по другим вопросам, связанным с деятельностью английской и турецкой разведок.
4. Информация, направленная тов. Абакумову от 7 июня 1949 года, составленная на основании личной записки источника, о конкретных планах "СИС" по переброске агентуры в СССР, об использовании "СИС" антисоветской эмиграции в разведывательной работе против СССР и стран Народной демократии, изменениях в руководящем составе "СИС" и представителях "СИС" за границей.

5. Спецсообщение тов. Сталину и тов. Молотову от 22 сентября об операции "Ценная" (о плане подрывных мероприятий против Албании, разработанном разведывательными органами США и Англии).

Кислицын - подпись

<http://www.rg.ru/2011/11/18/filbi-site.html>

«Российская газета»

18.11.2011

Николай Долгополов